

Аксинья д'Шам

ШЁПОТ ВЫШИТЫЙ И НЕЕМ



Аксинья д'Шам

Шёпот, вышитый инеем

<https://litres.ru/74673284>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Великом Лесу есть тайны, о которых лучше не спрашивать. Есть тропы, с которых не возвращаются. И есть Дымка Забвения – туман, хранящий то, что мир давно перестал помнить.

Николас не чувствовал себя своим среди деревенских: люди сторонятся его, отец запрещает подходить к лесу, а легенды сулят нарушителям страшную участь. Но однажды Николас встречает Марию – беловолосую девушку, которая босиком ходит по талой воде, разговаривает с цветами и знает о лесе больше, чем любой живой человек. Рядом с ней даже тишина становится уютной, а мир – немного добрее.

Чем ближе Николас становится к Марии, тем яснее понимает: не все легенды рождаются из суеверий, не каждую потерю можно оплакать и не всякое сердце бьётся так, как должно.

Это история о тех, кого бояться, не пытаясь понять. О тех, кого теряют, ещё не успев попрощаться. И о том, как много может значить одно имя, пока есть кому его произнести.

Ведь самое страшное забвение – не исчезнуть из мира, а перестать существовать в чьей-то памяти.

Аксинья д'Шам

Шёпот, вышитый инеем

Великий Лес не забывал. Он лишь ждал.

На его окраине, там, где последние лучи солнца гасли в объятиях тумана, известного как Дымка Забвения, цеплялись за склон хрупкие незабудки будто капли упавшего неба. Их тонкие корешки держались за землю с упрямством тех, кто знает: за цветением всегда приходит увядание. Старики говорили, что когда-то духи соткали «Дымку Забвения» из человеческих воспоминаний.

Среди холмов, утопающих в молочной дымке, пряталась деревушка. Она не столько виднелась, сколько мерещилась – словно существовала отдельно от остального мира. Время здесь текло медленно. Воздух пах сырой землёй, прелой листвой и старыми сказками.

Низкие крыши почти касались земли и давно заросли мхом. А жители, привыкшие ждать беды отовсюду, видели дурные знаки в каждой странности. Они рассказывали о блуждающих огоньках, подозрительных путниках и крестились, едва заметив тень, упавшую будто не от солнца или луны, а от самой темноты.

В этой глуши жил Николас.

Ему было пятнадцать.

Возраст, когда хочется узнать, что скрывается за запрета-

ми. Особенно если всю жизнь чувствуешь себя чужим. Он сидел на старом пне за деревней и смотрел на лес. Солнце медленно опускалось за верхушки деревьев.

Где-то вдалеке кричала птица. Деревня готовилась к вечеру. Женщины звали детей домой. Лаяли собаки. А Николас снова не спешил возвращаться.

Ему никогда не было там по-настоящему хорошо. Другие ребята сторонились его с детства. Кто-то говорил, что он слишком странный. Кто-то смеялся над тем, что он постоянно пропадает в лесу. Некоторые просто смотрели настороженно. словно ждали, когда он совершит что-нибудь плохое.

Сначала это обижало.

Потом раздражало.

А потом он привык.

Лес оказался проще людей. Деревья ничего от него не требовали. Не осуждали. Не задавали вопросов. Среди них можно было просто быть.

Николас поднялся и шагнул на тропу. Воздух сразу изменился. Стал прохладнее. Влажнее. Пахло землёй, мхом и прошлогодней листвой. Он знал каждое дерево на окраине леса. Каждый овраг. Каждый камень. И всё равно каждый раз чувствовал одно и то же. Будто возвращался домой.

Иногда он замечал странную вещь. Когда в деревне становилось слишком шумно, ноги сами несли его сюда. Он никогда не решал заранее, куда пойдёт. Просто однажды находил себя уже на тропе.

Сначала Николас думал, что привык. Потом – что ему просто нравится лес. А после стал замечать, что идёт сюда будто не сам. Словно где-то впереди уже знают, что он придёт. Мысль была глупой. Но от неё почему-то становилось спокойнее.

Жители деревни тоже ходили в лес – собирали ягоды и грибы на окраинах. Но дальше не заходили. Они провели невидимую границу и сами же боялись её переступить.

Деревенские, чьи деды-прадеды тут жили, считали: кто часто по лесу шастает, тот духов с собой приводит, беду на всю деревню накликает. Говорили, что Дымка Забвения – не просто туман, а взгляд самого леса. Если перейти эту черту, можно исчезнуть навсегда. Не потому, что заблудишься, а из-за того, что дороги назад больше не будет.

Страх здесь был крепче любой стены.

Однажды, забравшись дальше обычного, Николас вышел на небольшую поляну.

Хвоя здесь расступалась, открывая крошечный островок света среди лесной чащи. Николас уже собирался повернуть обратно, когда заметил движение. Кто-то был среди цветов. Он замер.

Девушка стояла босиком в талой воде. Холод как будто не касался её. Тонкими пальцами она осторожно освобождала молодые ростки от ледяной корки. Вокруг ещё чувствовалось дыхание зимы, но там, где проходили её руки, лёд отступал.

Николас застыл.

Сначала ему показалось, что это мираж. Потом – что призрак. Но ни на то ни на другое она не была похожа.

Отступая, он случайно наступил на ветку. Хруст прозвучал неожиданно громко.

– Они ещё спят.

Сказала девушка, не оборачиваясь.

– Но скоро проснутся.

Голос был тихим, однако каждое слово звучало удивительно ясно.

Николас замер.

Белые волосы светились в лесном полумраке, словно свежавывающий снег. Голубые глаза напоминали тонкий лёд на озере в ясный зимний день.

Она казалась частью самого леса.

– Тебе нельзя было меня видеть, – произнесла она едва слышно. – Матушка не велит.

– Почему?

Она опустила глаза и снова принялась перебирать травинки тонкими пальцами. Прошептала так тихо, что почти не слышно:

– Я их пугаю.

Николас почувствовал, как внутри шевельнулась тревога.

– Кого?

Она помедлила.

– Детей. И взрослых тоже. Они приходили сюда. Кричали.

Бросали в меня камни.

– Кто ты?

Но вместо ответа она спросила:

– Ты их слышишь, Николас?

– Слышу... кого?

Он огляделся.

Лес жил своей обычной жизнью: перекликались птицы, шумел ветер, журчал ручей.

Девушка подняла на него глаза.

– Говорят, мир стар и устал, – тихо сказала она. – Люди забыли язык корней. Разучились слушать тишину.

Николас почувствовал странное волнение, будто услышал что-то давно знакомое.

– А ты знаешь этот язык?

На её губах появилась лёгкая улыбка.

– Я знаю только то, что ведомо Лесу.

Тихо сказала она, не поднимая глаз.

– Но лёгких ответов не жди. Они созревают медленно.

Николас невольно улыбнулся. Лёд одиночества, так долго сковывавший его сердце, вдруг дал трещину, и внутри расцвёл тёплый огонёк. Николас вдруг заметил, как впервые за долгое время ему не хочется придумывать, что ответить. Можно было просто молчать. И почему-то этого было достаточно.

Девушка, лёгкая, словно тень, поманила его за собой вглубь, где туман сгустился, как живой сторож. Парень не

понимал, почему так легко за ней идёт.

Вскоре между деревьями показался дом.

Вернее, не дом, а часть самого леса. Стены словно выросли из корней и ветвей, а крыша почти скрывалась под мхом. В деревне об этом месте рассказывали страшные истории. Здесь, по слухам, жила ведьма.

Когда они подошли ближе, дверь со скрипом открылась.

На пороге появилась высокая женщина в старой шали.

Она не походила на безумную старуху из деревенских сказок. Здесь она выглядела хозяйкой этого места. Её взгляд скользнул по Николасу так внимательно, как будто видел не только его лицо, но и всё, что скрывалось внутри.

Не сказав ни слова, женщина развернулась и исчезла в тумане.

– Матушка снова души кормит, – тихо сказала девушка.

– Души?

– Тоскливо, когда о тебе забывают.

Николас нахмурился, пытаясь понять, что она имеет в виду. А девушка, точно бабочка, вспорхнула на край старой скамейки из корней.

– Скажи, почему люди ничего не слышат?

– Что именно?

– Шёпот Леса.

Николас развёл руками.

– Потому что мы люди. Лес – это деревья, звери, птицы. Ветер шумит. Вот и всё. Как можно «слышать» его иначе?

В её глазах появилась такая тоска, что ему стало не по себе.

– Правда, не слышишь? Не чувствуешь, как он живёт? Как дышит каждой травинкой? Как помнит то, что было задолго до нас?

– Лес правда говорит?

– Говорит. Только не словами. Его речь... ну, это как тишина между ударами сердца. Люди разучились её слушать. А когда тихо становится, им так жутко, что они готовы орать во всё горло, лишь бы не услышать, что он пытается им сказать.

Николас задумался.

Впервые ему показалось, что он действительно чего-то не замечает.

– И что он говорит?

– Что всё связано между собой. Что твой вдох, это выдох дуба за твоей спиной.

Где-то среди деревьев послышался шорох. Николас напрягся. Он вдруг вспомнил, где находится. Между двумя стволами мелькнула фигура. Человеческая. Или ему так показалось.

Она стояла неподвижно. Николас моргнул – и её уже не было.

– Не бойся.

– Кто это?

Она посмотрела в темноту между стволами с такой теплотой, будто приветствовала старых знакомых.

– Не знаю.

– Ты сказала, что знаешь.

– Я сказала, что знаю, что они здесь.

– А кто они?

Она немного подумала.

– Те, кого больше некому позвать.

Николас нахмурился.

– Если человек долго остаётся один, его имя становится тише.

– И что тогда?

Девушка пожала плечами.

– Тогда его труднее найти.

Николасу снова почудились бледные силуэты. Они появились всего на мгновение и тут же растворились в воздухе.

– Я Николас, – сказал он наконец.

Девушка посмотрела на него.

– Я знаю.

Он замер.

– Откуда?

Она ничего не ответила. Где-то в тумане тихо хрустнула ветка.

И на этот раз Николасу показалось, что из леса донёсся его собственный голос:

«Николас»

Он резко обернулся.

Никого.

Только туман.

Девушка смотрела на него и почему-то улыбалась.

– Видишь?

– Что?

– Он тебя уже запомнил.

Дверь скрипнула так громко, словно сама изба возмутилась его возвращению.

Николас замер на пороге. Снаружи уже сгущались сумерки. Сквозь маленькое оконце сочился последний серый свет, а внутри царил привычный полумрак. В доме пахло дымом, воском и сушёными травами, висевшими под потолком. Обычно этот запах успокаивал его. Сегодня – нет.

Отец сидел за столом. Огонь в очаге жадно трепетал, играя пламенем на закопчённых камнях, и отблески огня ложились на лицо отца, углубляя каждую морщинку. Перед ним лежала старая молитвенная книга. Пальцы медленно перебирали потёртые страницы, хотя Николас готов был поклясться, что отец уже давно ничего не читает.

Он ждал.

Ждал именно его.

Огонь в очаге издавал тихий треск, отбрасывая на стены дрожащие тени.

Николас осторожно прикрыл дверь.

Поздно.

Отец поднял глаза.

– Опять в лесу был?

Голос прозвучал спокойно. Слишком спокойно. От такого спокойствия становилось страшнее, чем от крика.

– Да.

– Далеко заходил?

Николас пожал плечами.

– Не очень.

Отец молча смотрел на него. Парню казалось, что отцовский взгляд сейчас пронзает его насквозь. Ложь повисла между ними. Оба это понимали.

Оба это понимали.

– Садись.

Николас послушно опустился на скамейку. Огонь тихо искрил. Где-то за стеной завыл ветер.

Отец закрыл книгу. Щелчок застёжки прозвучал неожиданно громко.

– Люди болтают.

Николас напрягся.

«Конечно болтают. В деревне всегда болтали. Если сосед чихнул – к вечеру об этом знали все.»

– Что болтают?

– Что видели тебя возле опушки.

Отец выдержал паузу.

– Не одного.

Николас отвёл взгляд.

– Я познакомился с девицей.

В комнате стало тихо. Даже ветер будто притих.

Отец поднялся из-за стола. Медленно так, будто поднимал не себя, а целую гору. Тень от него легла поперёк комнаты, большая и страшная, словно ворон расправил крылья. И в этой тени сразу стало как-то холоднее.

– С какой девицей?

– Она живёт возле леса.

– Возле леса?

В голосе отца появилась горькая усмешка.

– Возле леса никто не живёт.

– Живёт.

– С ведьмой?

Николас ничего не ответил. Отец тяжело выдохнул. Как если бы подтвердились самые худшие опасения.

– Господи...

Он провёл ладонью по лицу. Молчал несколько секунд. Потом посмотрел на сына.

– Ты хоть понимаешь, о ком речь?

– Понимаю.

– Нет. Не понимаешь.

Отец подошёл к окну. За стеклом медленно клубился вечерний туман.

– Когда я был мальчишкой, старики уже рассказывали про эту женщину. А им про неё рассказывали их отцы...

– Значит, она просто старая.

– Не перебивай.

В голосе прозвучала жёсткость.

Николас замолчал.

– Люди исчезали.

– Как?

– Не знаю.

– Тогда почему ты говоришь, что их забрала ведьма или Лес?

Отец замолчал.

– Потому что они вошли туда и не вернулись.

– Но это не значит...

– Для тебя, не значит.

Отец отвернулся.

– А для человека, который видел, как кого-то ждут у опушки годами, значит.

Он повернулся. Лицо в отблесках огня казалось старше обычного.

– Скот пропадал. Урожаи гибли. А она всегда оставалась там. Будто годы её не трогали. Такие вещи не бывают просто так.

– Или люди просто любят искать виноватых.

Слова сорвались прежде, чем Николас успел подумать.

Отец посмотрел на него долгим взглядом.

– Ты говоришь как ребёнок.

– Странно бояться того, чего не пытались понять. Вы ведь даже не старались.

На мгновение в комнате повисла опасная тишина. Нико-лас понял, что зашёл слишком далеко. Но отступить уже не

хотелось. Перед глазами стояла девушка. Её белые волосы. Грустная улыбка.

– Она не сделала ничего плохого.

– Откуда тебе знать?

– Потому что я её видел.

– Один раз.

– Этого хватило.

Отец невесело усмехнулся и подошёл ближе.

– Ты думаешь, зло приходит с клыками и когтями?

Николас ничего не ответил.

– Нет, сын. Оно всегда приходит добрым. Жалким. Таким, что хочется пожалеть. Эта девчонка... откуда она взялась? Не простая она, Николас. Беда от неё будет. Это марево. Лес манит к себе доверчивые души, чтобы поглотить, вытравить из них всё человеческое!

В глазах отца мелькнуло что-то странное.

Не злость.

Страх человека, который слишком долго носил в себе одну и ту же тревогу.

И именно это вдруг напугал Николаса сильнее всего.

– Ты её боишься?

Отец долго молчал.

Потом ответил:

– Нет.

Но ответ прозвучал неубедительно.

– Тогда чего?

Отец отвернулся к огню. Пламя отражалось в его глазах.

– Лес ничего не отдаёт просто так. Если зайти слишком далеко, назад пути не будет.

Николас нахмурился.

– Она не Лес.

– А ты уверен?

Снова тишина.

За окном ветер качнул ставни. Дом жалобно скрипнул. Отец устало опустил на лавку, будто за последние минуты постарел ещё на несколько лет.

– Послушай меня внимательно.

Голос стал тихим.

Почти усталым.

– В этой жизни есть двери, которые лучше не открывать. Есть дороги, по которым лучше не ходить.

– А если все боятся дороги только потому, что никто не решился пройти её до конца?

Отец покачал головой.

– Вот поэтому я и боюсь за тебя.

Николас замер. Эти слова прозвучали неожиданно. Без гнева. Без угроз. Просто честно.

– Я не хочу потерять тебя, как твою маму.

В очаге с треском лопнуло полено.

И вдруг вся злость исчезла.

– Я просто хочу понять, – тихо сказал Николас.

Отец долго смотрел на него. Потом вдруг резко подался

вперёд и схватил сына за плечо. Так сильно, что Николас невольно поморщился. Он редко видел отца таким. Обычно тот говорил мало. Сердился тихо. Даже наказывал без крика. Но сейчас в его глазах было что-то другое.

Не злость.

Страх человека, который слишком долго носил в себе одну и ту же тревогу.

– Нет, сын мой, – глухо произнёс он. – Не всё в этом мире можно понять.

– А если я всё-таки попробую?

Пальцы ещё сильнее впились в плечо.

– Люди боятся их не просто так.

Николас хотел возразить, но отец не дал ему вставить ни слова.

– Не она, так мать её. Эта старая ведьма... Рассказывают, она с детства якшалась с нежитью, тени за ней ходили по пятам! Нельзя нам, простым смертным, испытывать волю Господа и лезть туда, где смертью пахнет. Не наше это дело!

– А если люди ошибаются? – тихо спросил Николас.

Отец медленно поднял голову.

– А если не ошибаются?

И на этот вопрос у Николаса ответа не нашлось. В очаге с громким треском раскололось последнее полено. Сноп искр взлетел вверх и тут же погас. Комната погрузилась в зыбкий полумрак. Тени на стенах стали длиннее. Казалось, будто они слушают разговор вместе с ними. Некоторое вре-

мя оба молчали.

Отец тяжело опустился на скамейку. Словно спор отнял у него последние силы. Откуда-то издалека донёсся протяжный скрип деревьев. Николас смотрел на угасающий огонь. Ему вдруг показалось, что между ним и отцом что-то выросло.

Не стена.

Не дверь.

Что-то старое, чего он не мог назвать.

Оно было здесь раньше него. Может быть, раньше даже его отца. И чем сильнее Николас пытался его понять, тем дальше оно отодвигало их друг от друга.

После того разговора с отцом Николас стал уходить в лес ещё раньше. Не потому, что боялся отцовского гнева. По крайней мере, не только поэтому. Ему просто хотелось оказаться там до того, как проснётся деревня.

Пока в домах ещё тлели очаги, пока первые ставни не начинали хлопать от утреннего ветра, пока женщины не выходили с ведрами за водой, а мужчины не собирались у амбаров и не принимались обсуждать, кому принадлежит забредшая на соседний двор коза.

Но и лес молчал иначе. В деревне тишина была пустотой. В лесу – присутствием. Николас заметил это почти сразу.

Каждое утро он тихо выбирался из дома, стараясь не разбудить отца. Брал топор, верёвку и старую корзину и отправлялся якобы за хворостом. Первые несколько дней он дей-

ствительно приносил домой полную вязанку. Потом отец перестал спрашивать. Наверное, считал, что сын наконец занялся полезным делом. Николасу было совестно обманывать его. Но стоило ему приблизиться к опушке, как чувство вины отступало.

Лес уже ждал.

На рассвете Дымка лежала над низинами особенно густо. Она стекала между деревьями белыми полосами, цеплялась за корни, ползла по земле и иногда поднималась выше человеческого роста. Издали казалось, будто в лесу лежит молочное море.

Старики говорили, что в такую погоду нельзя называть своё имя. Другие утверждали, что нельзя оглядываться. Третьи крестились и вообще старались не выходить из дома.

А однажды Николас услышал, как старуха у колодца разговаривала с соседкой:

– Если Дымка коснётся твоего лица, – наставляла старуха, – не отвечай ни на что. Даже если кто-то позовёт.

– А если это человек? – соседка нервно теребила край платка.

Старуха посмотрела на лес. Долго, будто ждала ответа от деревьев.

– Человека ты узнаешь.

– Но как?

Старуха молчала так долго, что соседка начала переминаясь с ноги на ногу. Наконец старуха выдохнула:

– Оно назовёт тебя так, как тебя звали до того, как ты состарилась. А человек... человек обратится к тебе так, кем ты являешься сейчас.

– Ох, бабка Марфа... А ежели оно меня Акулькой назовёт? Так ведь это ж я и есть. Меня и сейчас так кличут.

Старуха нахмурилась.

– Не Акулькой. Другой.

– Какой другой? У меня ж с рождения имя одно.

– До рождения, дура. До того, как ты родилась.

Соседка побледнела.

– Так я ж тогда ещё и не была никем...

– Вот именно, – старуха многозначительно поджала губы.

– И оно это знает. Оно всё знает.

– А ежели я не пойму, что меня зовут?

Старуха замерла. Было видно, что об этом она не подумала.

– Как это, не поймёшь?

– Ну так. Оно ж назовёт меня... никем. Может, оно меня окликнет, а я и не пойму.

– Тогда не оборачивайся вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.